

ВТОРОЙ СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР

БЮЛЛЕТЕНЬ

№ 21

24 декабря 1989 г.

ИЗДАНИЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

**ВТОРОЙ СЪЕЗД
НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР**

БЮЛЛЕТЕНЬ

№ 21

24 декабря 1989 г.

ИЗДАНИЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Заседание двадцать первое

(24 декабря 1989 г.)

	Стр.
Сообщение о положении в Румынии	3
Выступление председателя Комиссии для расследования обстоятельств, связанных с событиями в гор. Тбилиси 9 апреля 1989 года, А. А. Собчака	4
Выступление Главного военного прокурора А. Ф. Катусева	21
Выступление Председателя Президиума Верховного Совета Грузинской ССР Г. Г. Гумбаридзе	27
Принятие Постановления по докладу Комиссии по расследованию событий, имевших место в гор. Тбилиси 9 апреля 1989 года . .	33
Сообщение председателя Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского Договора о ненападении от 1939 года А. Н. Яковлева по проекту Постановления	34
Принятие Постановления о политической и правовой оценке советско-германского Договора о ненападении от 1939 года	39
Сообщение Председателя Совета Союза Е. М. Примакова о работе Комиссии по рассмотрению привилегий, которыми пользуются отдельные категории граждан	63
Принятие Декларации второго Съезда народных депутатов СССР о недопустимости блокады автомобильных и железных дорог, создания любых препятствий для свободного перемещения граждан и грузов в пределах СССР	83
Информация Комитета Верховного Совета СССР по международным делам о политической оценке решения о вводе советских войск в Афганистан	84
Обсуждение проекта Постановления о политической оценке решения о вводе советских войск в Афганистан	89
Принятие Постановления о политической оценке решения о вводе советских войск в Афганистан	105
Принятие Обращения второго Съезда народных депутатов СССР к гражданам СССР	106
Заключительное слово Председателя Верховного Совета СССР М. С. Горбачева	106
Закрытие второго Съезда народных депутатов СССР	112

нием грузинской комиссии в той же газете, что события 9 апреля не были тайной для руководства страны, в том числе и Лигачева. Руководство страны узнало о трагических событиях после того, как они произошли. Что касается меня, то могу сказать, что узнал об этом из сообщения по телевидению. Строго говоря, до 7 апреля и после этого дня я не принимал участия в рассмотрении вопросов по Грузии. Таковы факты. Просил бы Вас ознакомить с этой запиской членов комиссии».

К этому я хотел бы добавить следующее. Если политический или государственный деятель принимает какое-то решение, то он несет ответственность за результаты этого решения, независимо от того, где он узнал об этих результатах — находясь в отпуске или в своем служебном кабинете. (А п л о д и с м е н т ы).

Председательствующий. Возьмите, пожалуйста, записки.

Собчак А. А. У меня есть ряд записок, на которые я хотел бы ответить.

Председательствующий. Анатолий Александрович, давайте договоримся так: Вы посмотрите все записки, подумайте и потом будете отвечать.

Собчак А. А. Хорошо.

Председательствующий. Мы уже час обсуждаем этот вопрос, а выделили на него два часа. Какие будут предложения? Вы настаиваете?

С места. (Н е с л ы ш н о).

Председательствующий. Тогда, товарищи, давайте слушаем краткое сообщение Главного военного прокурора. Слово имеет Александр Филиппович Катусев. Сколько времени Вам надо?

Катусев А. Ф., заместитель Генерального прокурора СССР, Главный военный прокурор.

Двадцать минут.

Председательствующий. Дадим Вам ровно 20 минут.

Катусев А. Ф. Уважаемый товарищ председатель, уважаемые товарищи народные депутаты! В Тбилиси произошла трагедия, и мы скорбим по этому поводу вместе со всеми честными людьми Земли. Общественность в стране и за рубежом ждет ясного ответа на вопрос: как это все могло произойти? Есть три во многом не совпадающие оценки. Одна — комиссии Верховного Совета Грузинской ССР, другая — комиссии, созданной первым Съездом народных депутатов, и третья — следственной группы Глав-

ной военной прокуратуры. Закон разрешает, а здравый смысл обязывает меня доложить Съезду установленные следствием факты. Было бы неверным принимать политическое решение на уровне высшего законодательного органа без внимания к результатам следствия. Тем более сейчас, когда взят курс на разделение законодательной, исполнительной и судебной власти. В нашей истории уже было, когда вначале давались политические оценки, а потом под них подгонялось правосудие. Печальные итоги этой политики общеизвестны.

В заключение комиссии Верховного Совета Грузинской ССР вошли версии и утверждения, не соответствующие действительности, а многие подлинные факты истолковывались тенденциозно. Кстатi, с рядом ее выводов комиссия Съезда народных депутатов не согласилась.

В основе разных выводов лежат разные методы выяснения фактических обстоятельств. Комиссия беседует с людьми — следствие допрашивает в условиях процессуальных гарантий. Комиссия консультируется со специалистами — следствие назначает экспертизы, поручает производство объективным экспертам, в том числе (в необходимых случаях) ведущим научным учреждениям.

Главное: следствие не принимает ни одного доказательства без тщательной проверки, анализирует его в совокупности с другими доказательствами, и ни одно из них не имеет преимущества перед другими.

Например, тбилисские медики в первые же дни указали во врачебных свидетельствах о смерти, что 12 человек погибли в результате асфиксии (от сдавливания), и не более. Вопреки этому на основании заключения патологоанатома Деканосидзе появились выводы, будто причиной смерти явилось также отравление химическими веществами. Явно ненаучное заключение вынудило следователей допросить Деканосидзе, и она нашла мужество признать, что при описании обстоятельств гибели использовала слухи, а в выводах вышла за пределы своей компетенции. Ложность ее заключения — а это содержит признаки уголовно наказуемого деяния — убедительно показали высококвалифицированные эксперты. Следователи в строгом соответствии с законом получили, оформили и направили в экспертные учреждения препараты из внутренних органов и одежду погибших. Эксперты категорически отвергли отравление, заключив, что одежда также не подвергалась воздействию отравляющих веществ.

Однако в ноябре через комиссию Съезда в прокуратуру снова поступили препараты, о которых заявлено, что они без оформления хранились у все той же Деканосидзе. По ним, как это прозвучало у председателя комиссии, кон-

сультанты не исключают отравление. Мы назначили новую экспертизу, и снова эксперты сообщили, что выводы об отравлении неправильны, а для подготовки заключения нужно дополнительное время, чтобы установить происхождение этих препаратов.

К сожалению, не приходится брать на веру и рассказы ряда граждан, на которых ссылаются некоторые источники. К примеру, в фильме уважаемого кинорежиссера депутата Шенгелая есть рассказ некоего Букасова о том, как во время службы в Афганистане он применял такие же боевые отравляющие вещества, что применены в Тбилиси. На самом же деле Букасов в Афганистане никогда не служил, в отравляющих веществах ничего не смыслит.

Следствию приходится разбираться в немалом числе утверждений такого рода. Что же конкретно установлено следствием?

8 апреля 1989 года Совет Министров Грузинской ССР в соответствии с пунктом 3 статьи 125 Конституции республики, осуществляя меры по охране общественного порядка, принял решение о пресечении несанкционированного митинга и освобождении площади возле Дома правительства. Это решение правительства республики явилось правовой основой действий военнослужащих внутренних войск и Советской Армии. Комиссия называет распоряжение правительства республики незаконным только потому, что в нем ставилась задача частям внутренних войск и Советской Армии. При этом не учтено, что союзные министерства внутренних дел и обороны выделили эти части специально для оказания помощи правительству Грузинской ССР для поддержания порядка по его просьбе. Непонятно, почему комиссия не приняла во внимание положение Конституции Грузинской ССР о полномочиях правительства республики.

Никакая демократия не отрицает необходимость иметь силу для поддержания порядка. У нас в стране такой силой является милиция и внутренние войска. Я лично против использования армии для этих целей даже с ограниченными функциями. Армия для этого не предназначена и не подготовлена, не имеет соответствующей экипировки. Командование во избежание жертв среди населения не выдает солдатам их табельное оружие. Вот и случается, что невооруженные, ничем не защищенные солдаты, наши с вами дети, охраняющие наш с вами покой, оказываются один на один с сотнями бесчинствующих хулиганов.

В основном докладе прозвучало, что митинги, проводившиеся накануне трагедии, нельзя оценивать по отдельным лозунгам, а их организаторы не отвечают за лозунги. Судите сами, товарищи народные депутаты, вот выдержка из

программного выступления 7 апреля одного из руководителей митинга — Церетели. «В Грузии,— сказал он,— должна быть незамедлительно отменена власть марионеточного грузинского правительства. Должны войти армейские подразделения Организации Объединенных Наций. Грузия должна войти в НАТО как военный союзник. Это позиция всех неформальных организаций Грузии,— заявил он,— независимая Грузия должна брать ориентацию на Соединенные Штаты Америки. Мы должны восстать и бороться. После третьей мировой войны империя падет».

Под влиянием подобных призывов митинги и демонстрации переросли в грубое нарушение общественного порядка. Начиная с 7 апреля, как показали следствию очевидцы, организаторы митингов стали готовиться к жесточайшему сопротивлению властям. Сознывая противоправность готовящихся ими акций и рассчитывая на применение сил правопорядка, изготавливались марлевые повязки и водно-содовые растворы, собирались противогазы на случай использования внутренними войсками специальных слезоточивых средств.

8 апреля руководство республики решило провести демонстрацию военной техники, что, по замыслу, должно было предостеречь экстремистов и в то же время дать остальному населению уверенность, что правительство в состоянии обеспечить общественный порядок. Однако организаторы митинга использовали этот повод для нагнетания напряженности. Группы хулиганов стали забрасывать технику и военнослужащих камнями. Семеро солдат и офицеров получили травмы. Одна из таких бесчинствующих групп захватила автомобиль ГАИ. Его выкатили под гусеницы движущейся боевой машины, а водителя, старшину милиции, избили и пытались заставить лечь под военную технику.

Нападениям подвергались и другие сотрудники ГАИ Грузии. Их оскорбляли, срывали фуражки, погоны, разрывали одежду, пытались избить. Кое-кому пришлось спасаться бегством. До какой дерзости и цинизма доходило. Зрелого мужчину, своего соотечественника, майора милиции раздели до трусов и погнали по многолюдному проспекту родного города. По призывам организаторов группы молодежи захватили грузовики, городские автобусы, троллейбусы, заставили водителей перегнать почти три десятка этих транспортных средств в район проспекта Руставели и перекрыть подходы к нему.

Попытки сотрудников милиции воспрепятствовать этому встретили дерзкое сопротивление, сопряженное с насилием. Надо сказать, что раздавались и трезвые голоса: «не давать повод правительству для применения силы», «ограничиться пассивным неподчинением». Но события определяли уже

не эти голоса. Агрессивно настроенные части собравшихся запаслись ножами, металлическими стержнями, обрезками труб, палками, бутылками, горючими смесями. Формировались группы спортсменов и физически крепких мужчин, чтобы отбить любую попытку освободить площадь. Людей призывали к самопожертвованию.

Обстановка обострилась не только в столице. Посланные из Тбилиси представители неформальных организаций организовали днем 8 апреля многочасовой митинг в городе Рустави возле металлургического завода. В ночь на 9 апреля они во главе большой толпы попытались прорваться на завод и остановить его работу. Пожарные машины не охладили их пыл. Дело дошло до рукопашной схватки и предупредительных выстрелов охраны. (Шум в зале).

Вот какой была обстановка в ночь на 9 апреля. На площади перед Домом правительства готовились к принятию, товарищи депутаты, не очередные резолюции, а шла подготовка к насилию против сил общественного порядка. На юридическом языке это уже не митинг, а приготовление к действию, которое Уголовным кодексом Грузинской ССР отнесено к преступлению. Поэтому прокуратура Грузинской республики расследует соответствующее уголовное дело. Материалы, выделенные из этого дела прокуратурой республики, направлены нам, послужили основанием для настоящего расследования. Наряду с работниками военной прокуратуры в расследовании дела приняли участие работники МВД и КГБ СССР. В состав следственной группы вошли следователи и прокуроры аппарата Прокуратуры Союза ССР под контролем товарища Сухарева.

Нас упрекают в том, что в расследовании не принимали участие работники прокуратуры Грузии, но это не совсем так. Считаю нецелесообразным включать их в состав следственной группы, чтобы избежать местного давления. Но в соответствии с законом мы поручили прокуратуре Грузии произвести допросы многих десятков свидетелей, выполнить другие следственные действия. Такая практика применяется в других регионах страны и себя оправдывает. Мы не испытываем недоверия к нашим коллегам.

О задачах внутренних войск и подразделений армии вам доложил уважаемый председатель комиссии. Не последнее место отводилось в докладе и сотрудникам республиканской милиции. Те, кто охранял вход в Дом правительства, должны были эвакуировать голодающих в медицинские учреждения. Уголовному розыску республики надлежало задерживать организаторов и наиболее активных нарушителей общественного порядка, на службу ГАИ возлагалась задача убрать транспортные баррикады, но ни одна из этих задач не была выполнена, что сказалось и на ходе событий. А теперь гово-

рят, мол, республиканская милиция восстановила бы порядок собственными силами. При анализе причин и обстоятельств трагедии все мы чувствуем щемящую боль от гибели безвинных жертв, но от следователя и прокурора требуются исключительная, я бы сказал, особая беспристрастность и объективность. Глубокое возмущение вызывают усилия тех, кто сегодня стремится манипулировать нашими чувствами в своих политических целях для маскировки собственной подстрекательской роли. Товарищи, причиной смерти 18 человек, в том числе женщин, стала только давка. (Ш у м в з а л е).

Председательствующий. Одну минуту. Съезд настаивал на том, чтобы дать прокурору слово. Мы решили этот вопрос вчера. Причем Президиум Съезда, как вы помните, ставил в известность депутатов, что это может вызвать нежелательные эксцессы, всякого рода демонстрации. Так что вы должны быть к этому готовы. Съезд принял решение, чтобы заслушать прокурора. Сейчас мы имеем возможность его слушать, у него есть еще пять минут.

Катушев А. Ф. Разрешите продолжать?

С места. (Н е с л ы ш н о).

Катушев А. Ф. Как известно, организаторы митинга убедили людей не слушать представителей власти и церкви, не расходиться, не подчиняться и даже принести на это публичную клятву. Наиболее плотно собравшиеся отеснялись на лестницы и парапеты Дома правительства.

Пагубную роль сыграл призыв сесть при приближении внутренних войск. Люди сели где попало. Есть показания, что некоторых женщин силой усаживали на асфальт, превращая в живой барьер. Потом о них спотыкались, на них наступали при возникавшей давке.

Уважаемые товарищи, я не знаю, когда командование сообщило комиссии о применении пехотных лопаток, но органы следствия располагали этими данными с первых дней расследования уголовного дела.

Для выполнения поставленной подразделениями Советской Армии задачи — взять под охрану конкретные объекты — военнослужащие должны были, помимо экипировки, иметь в соответствии с Уставом огнестрельное оружие. Но у меня язык не поворачивается упрекать командование за то, что оно приказало не выдавать солдатам автоматы и штык-ножи. Для нескольких солдат пехотные лопатки стали единственным средством самозащиты.

А теперь факты. Товарищи, из 21 заявившего о травмировании пехотными лопатками экспертами объективно ус-

тановлены повреждения у семи человек. Тяжких телесных повреждений не нанесено, смертельных исходов нет.

Таким образом, из 427 человек, получивших физические травмы на проспекте Руставели и у здания Гостелерадио, 137 человек пострадало от действий военнослужащих, от беспорядков в давке — 290.

Товарищи, привожу вам эти цифры, а сам вижу за ними наших советских людей, независимо от того, кто они — военнослужащие или гражданские лица. Высказывались мнения, что следовало бы применить струю холодной воды, но я вам уже сказал, что такая мера применялась.

Уважаемые товарищи! Прокурору гадать не положено, он должен опираться только на факты. Внутренние войска применяли только два слезоточивых вещества — хлорацетатофенон и Си-Эс. На сегодня готовы экспертные заключения в отношении более двух тысяч человек, которые числились подвергнувшимися воздействию раздражающих веществ. Сейчас подтвердилось такое воздействие в отношении только пятидесяти четырех человек из двух тысяч. Это установлено экспертами Организации Объединенных Наций: тридцать пять гражданских лиц и девятнадцать военнослужащих. Часть экспертиз еще не завершена.

Уважаемые товарищи народные депутаты! Я представил вам факты, установленные на сегодня следствием. Я не просто озвучил с трибуны написанное, а пережил это лично, так как 9 апреля, как заместитель Генерального прокурора СССР, никакого отношения в то время к армии не имевший, находился в Тбилиси, видел всю трагедию и разбирался с ее причинами. Ответственность за объективность фактов, доложенных вам, я готов взять на себя. (Аплодисменты).

Председательствующий. Слово имеет товарищ Гумбаридзе.

Гумбаридзе Г. Г., первый секретарь ЦК Компартии Грузии, Председатель Президиума Верховного Совета Грузинской ССР (Зестафонский национально-территориальный избирательный округ, Грузинская ССР). Для моих соотечественников, взволнованно следящих за этим обсуждением, в событиях 9 апреля неразрывно переплелись политика и совесть, мораль и право, прежде всего право на национальное и гражданское достоинство. Пройдя через тяжелые нравственные испытания, грузинский народ вынес правду о 9 апреля на трибуну первого Съезда народных депутатов, вынес в надежде на искреннее человеческое сочувствие и строгую политическую оценку этой антигуманной, позорной и недостойной эпохи перестройки акции. Однако нетрудно заметить, как сработали скрытые, а затем и явные пружины, способные превратить искателя

правды в обвиняемого, образно говоря, уподобить целый народ гоголевской унтер-офицерской вдове, которая сама себя высекла. Только тогда в деле фигурировали розги, а теперь из него постепенно улечиваются отравляющие газы, саперные лопатки. И не столько полтора столетия, отделяющие нас от этого химерического образа начального правосудия, сколько последние четыре года внушали надежду, что не привычное ведомственное всевластие, а возвышающие личность и общество идеалы демократии и милосердия возьмут на этот раз верх.

Ложью и клеветой не осушить слезы матерей, не заставить общество обрести утраченное душевное равновесие. Необходимо уважать чувства народа, ставшего жертвой настоящей политической трагедии, которая великодушно дает шанс на покаяние, но никогда не простит нам искаженных оценок и надругательства над своей душевной болью.

Мы высоко ценим политическое терпение руководителя страны, однако никак не унимаются силы, которые жаждут обострить ситуацию, доказать, что происшедшее в Тбилиси закономерно и поучительно для демократии. Какие бы благие цели ни ставила власть, применяя силу против народа, подавляя его, она рано или поздно зайдет в глухой тупик, из которого нет выхода. Этому постоянно учит нас горький опыт истории и современности.

Трагедия 9 апреля, как и некоторые последующие драматические события в Грузии, подтвердили выраженную в обращении товарища Горбачева к нашему народу мысль о том, что это удар по перестройке. Сила порождает цепную реакцию насилия. А политика сведения счетов любой спор переводит в открытую конфронтацию, в том числе и в межнациональное противостояние. И так нетрудно все это использовать, чтобы затем потребовать ввести особое положение, объявить комендантский час. Но ведь управлять обществом, разрешать конфликты должны не солдаты на бронетранспортерах, а политические институты власти.

Несмотря на острые, будто бы по одному сценарию разграничные конфликты, которыми так был насыщен в республике послеапрельский период, у нас даже в самых критических обстоятельствах и мысли не возникало о применении силы. Очень непросто вести в этих условиях острый политический диалог, острую дискуссию, добиваясь консолидации общества. Но считал и считаю: человек имеет право рисковать и распоряжаться лишь своей собственной жизнью, а не жизнями людей, которые доверили ему быть руководителем.

Надо набраться искренности и мужества, чтобы по сути признать: трагедии в Тбилиси можно и нужно было избежать. И не стоит искать оправдания ее чудовищным резуль-

татам. Их никогда не вытравить из сознания многих тысяч людей, которые вышли на проспект Руставели и не сумели, видите ли, «вписаться» в жесткие рамки проведенной операции. Сколько ни искажай факты, а ответственность по всем общепринятым нормам несет не народ, а инициаторы и облеченные чинами и полномочиями. Проводники акции обязаны до мельчайших деталей предвидеть все ее последствия. Именно поэтому столь однозначно в республике общественное мнение о событиях 9 апреля.

Принятые меры по пресечению митинга в Тбилиси были явно не адекватны его характеру и вышли за все допустимые пределы, переросли в столкновения с народом. Ведь общество, перешедшее на демократические рельсы, никому не позволит управлять собой с помощью кулака. А издержки нашей демократии, крайние лозунги и призывы, излишняя эмоциональная взвинченность — это неизбежная плата за насаждавшуюся у нас многолетнюю безнравственную пассивность. Вспомните, не мы ли с завидным хладнокровием терпели иного рода крайние лозунги, заводившие нашу страну в тупик, порождавшие чувства национальной и гражданской незащищенности? Не мы ли поднимали на щит пресловутые теории о слиянии и отмирании наций, смешении культур и языков? Не мы ли мирились с бьющим через край возвеличиванием некоторых вождей, доведших общество до кризисного состояния?

Люди хотят нам верить, но подчас не убеждены, что из-за политической конъюнктуры или должностного положения мы будем искренними до конца. Нам надо доказать, что мы оправдываем те права и полномочия, которыми они нас наделили. Я далеко не сентиментален, но с нравственной точки зрения лично для меня совершенно не объяснимо, как можно проявлять милосердие к носителю силы, а не к жертве.

Если мы действительно дорожим федерацией, намереваемся жить вместе, то почему подминаем столь естественные чувства, бурно аплодируем этой силе в то время, когда у целого народа траур? Точно так же оскорбительно и безнравственно приписывать всему грузинскому народу антирусские настроения и русофобию. Даже имперская политика российского самодержавия, два столетия назад поправшая Георгиевский договор между Грузией и Россией, а затем в 1801 году более чем на столетие лишившая грузинскую нацию государственности и суверенитета, никогда не ассоциировалась с русским народом.

В нас слишком живы прежние стереотипы. Разве означает признание нарушения договора двадцатого года какое-либо обвинение в адрес русского народа? Такое признание как раз снимает с русского народа ответственность за

действие некоторых вождей, попиравших национальное достоинство и русских, и грузин, и других народов. И если мы хотим полного доверия, надо не умалчивать о фактах истории, а раскрывать их до конца.

Аналогично нельзя, недопустимо и грузинский народ отождествлять с некоторыми одиозными именами нашей общей истории, как это прозвучало позавчера с этой трибуны. Не знаю, зафиксировано ли это в материалах дела от 9 апреля, но ни для кого в Тбилиси не секрет, что во время разгона митинга с уст некоторых, мягко говоря, возбужденных военнослужащих слетали имена Сталина и Бери.

Позволю себе заметить, военное ведомство у нас по-прежнему на особом положении. Я не имею в виду нашу армию, к которой должно быть особое, почтительное и бережное отношение, но военное ведомство не армия, и, при всем моем уважении, оно должно функционировать в общепризнанных рамках правового государства. Один генерал грубо нарушает директиву Генерального штаба и бросает солдат на демонстрацию, другой самовольно использует химические средства, третий поспешно делится в газете материалами незавершенного расследования, позволяя себе дискредитировать комиссию Съезда. Депутатам подбрасываются анонимные листовки клеветнического, черносотенного содержания, извращающие политические процессы в республике, позицию ее руководства, которая не соответствует чьей-то ностальгии по репрессивным методам управления. И всему этому, как ни печально, крайне затруднительно дать объективную парламентскую оценку.

Военная прокуратура, совершенно очевидно, реализующая «командирский» наказ своих старших коллег, неуместно ставится у нас едва ли не вровень, а то и выше парламентской комиссии, хотя хорошо известно, чем в свое время увенчалась подмена политических расследований — криминальными, а политических органов — карательными. И вся эта тенденциозность, необъективность — во имя одного: спасти честь мундира. Но в мундире ли армейская честь? А может, все-таки в искренности, принципиальности и доблести, которые всегда возвышали нашу армию?

Обвинять народ не вправе никто. Только сам народ может быть себе объективным и справедливым судьей. Вот почему грузинская делегация выражает полное недоверие представителям военной прокуратуры и категорически настаивает на создании новой следственной группы с ее подчинением гражданским юристам и обязательным включением в нее представителей прокуратуры Грузинской ССР.

Создается твердое ощущение: не пытается ли кто-то вновь резко дестабилизировать обстановку в Грузии? Поэто-

му я обращаюсь в этот трудный час к моему народу с призывом и просьбой: не поддаваться на провокацию, проявить сдержанность, мудрость и всегда присущее ему достоинство. (Аплодисменты).

Председательствующий. Итак, товарищи, Президиум выполнил волю Съезда. Мы обсуждали здесь и вчера, и сегодня: депутаты выслушали две разные точки зрения. Воспринимать их как оскорбление той или иной стороне, я думаю, не следует. Мы слушали здесь много различных точек зрения, часто противоположных, взаимоисключающих, и, мне думается, демонстрация здесь ни к чему.

Я только что получил записку пяти депутатов (ее подписали Соколов, Ефимов, Денисов, Крыжков и еще — подпись не могу разобрать). Хочу зачитать вам ее содержание: «Вчера против трансляции с заседания Съезда по обсуждению событий в Тбилиси проголосовало 1018 депутатов, то есть более половины присутствующих. Тем не менее в нарушение Регламента при голосовании по процедурным вопросам было решено трансляцию вести. Просим вернуться к этому вопросу и поставить на голосование еще раз. Считаю трансляцию недопустимой».

Я хочу вам сказать, товарищи, что мы не рассматривали вчера это голосование как чисто процедурное. Речь идет о серьезных вещах. Настаивают депутаты на таком голосовании? (Шум в зале). Тогда давайте проголосуем. Мы голосовали при помощи электроники... (Шум в зале). Одну минутку... Вы настаиваете на этом голосовании? (Шум в зале).

Товарищ Рябченко считает, что голосовать не надо, поскольку в отсутствие грузинской делегации оно не будет иметь силы. (Шум в зале). Перерыв объявлять?

С места. Да.

Председательствующий. Хорошо, объявляется перерыв на 30 минут.

(После перерыва)

Председательствующий. Продолжаем нашу работу. Слово предоставляется Михаилу Сергеевичу Горбачеву.

Горбачев М. С. Прежде всего я хотел бы от имени Съезда обратиться к депутатской делегации Грузии, чтобы она заняла свои места и мы продолжили бы работать. Вчера, когда мы обсуждали вопрос о том, стоит ли нам разворачивать дискуссию, прения, то наши тревоги, опасения, озабоченность были оправданными: события в Тбилиси — наша об-

щая боль. Мы переживаем трагизм тех событий, выражаем сочувствие грузинскому народу в связи с тем, что произошло и повлекло за собой неоправданные человеческие потери, смерть, гибель людей. Это, я думаю, наше общее мнение.

Но я хотел бы сказать вот что. Я один из тех, кто был за то, чтобы вокруг этих событий не разворачивать дискуссию, а попросить комиссию, которую я просил сделать взвешенный доклад, больше думать о том, как нам извлекать уроки, что делать для того, чтобы события подобного рода никогда не повторились. Тем не менее сегодня, думаю, прозвучали такие вещи, которые не должны звучать на нашем Съезде. Вчера я уже говорил и на эту тему.

Мы с вами встали на путь глубоких перемен, осмысления всей нашей истории, настоящего и размышлений о будущем. Это трудный процесс, это будущее связано с обновлением нашего общества, которое мы должны построить своими руками, умами, сердцами. Другого не дано, дорогие друзья. Другого не дано! И это самая величайшая особенность нашей страны, где проживают столько народов, и они объединены уже столетиями — совместная история наших народов выходит далеко за пределы нынешнего столетия. И нам обязательно будет сопутствовать успех во всех делах, если мы будем привержены нашему выбору, дружбе, сотрудничеству между всеми народами нашей страны. Поэтому сейчас в любой республике можно найти факты, которые вызывают нашу тревогу, обнаружить явления, с которыми мы не можем согласиться. Но мы с вами всегда должны думать вот о чем: это не значит, что мы должны на этой основе судить о народах, их позиции и подвергать сомнению все то, что столетиями складывалось и объединило нас в большую и дружную семью, которая прошла через трудные испытания и способна совершить великое и в интересах своей страны, и в интересах всей человеческой цивилизации.

Поэтому, думаю, у депутатов из Грузии (я беседовал с ними и другими во время перерыва — вели этот разговор, как мы его и должны вести, — открыто и прямо) не должно появиться подозрение в том, что к грузинскому народу со стороны других народов не только в этом зале, но и в стране проявляются неуважение, сомнение или какое-то недоверие. Я прошу поддержать это мое заявление. (А п л о д и с м е н т ы). И давайте на основе доклада комиссии примем краткое политическое решение, из которого бы вытекали оценка и поручение компетентным органам разобратсья по всем конкретным фактам. В данном случае — поручить Президиуму Верховного Совета СССР довести под его эгидой все до конца и этим дискуссию сегодня исчерпать. (А п л о д и с м е н т ы).

Председательствующий. Я должен, товарищи, вам сообщить, что такого же мнения придерживаются митрополит Питирим, Бегельдинов, Ахмедов, Ауельбеков и другие — большая группа депутатов. Вот еще мнение. То есть большая группа депутатов считает, что прения проводить не следует, а надо принять Постановление, которое Президиум предлагает несколько уточнить. Возьмите, пожалуйста, текст и проследите за этим текстом. Думаю, давайте мы не будем больше разжигать страсти. Поддерживает Съезд такую позицию?

С места. Да!

Председательствующий. Будем это решение принимать? Прошу взять текст. Я не зачитываю только заголовок — он не меняется.

«Съезд народных депутатов СССР, заслушав заключение Комиссии по расследованию событий, имевших место в г. Тбилиси 9 апреля 1989 года, отмечает, что в трагедии, связанной с гибелью невинных людей, отразились неспособность бывшего руководства республики в условиях серьезного обострения общественно-политической обстановки в Грузинской ССР разрядить возникшую ситуацию политическими средствами, а также серьезные просчеты и ошибки, допущенные при принятии и реализации решения о пресечении несанкционированного митинга на площади у Дома правительства. Съезд обращает внимание на отсутствие четкой законодательной регламентации порядка и практики использования Вооруженных Сил для разрешения внутренних конфликтов.

Съезд народных депутатов СССР постановляет:

1. Принять к сведению заключение Комиссии Съезда народных депутатов СССР по расследованию событий, имевших место в г. Тбилиси 9 апреля 1989 года.

2. Осудить применение насилия против участников демонстрации 9 апреля 1989 года в г. Тбилиси.

3. Поручить Президиуму Верховного Совета СССР направить на рассмотрение и решение соответствующих органов предложения Комиссии по расследованию событий, имевших место в г. Тбилиси 9 апреля 1989 года, и обеспечить контроль за их выполнением.

Подготовить с учетом состоявшегося обсуждения текст сообщения для печати по итогам расследования тбилисских событий».

Вот, товарищи, уточненные предложения. Вы видели по тексту, что внесены поправки, в том числе пункт 2. Есть ли необходимость выступить по мотивам голосования?

С места. Нет.

Председательствующий. Можно поставить на голосование этот текст?

С места. Да.

Председательствующий. Ставлю на голосование текст Постановления, предложенный Президиумом Съезда. Прошу выразить ваше отношение к этому тексту. Постановление принято абсолютным большинством голосов. (Аплодисменты).

Результаты голосования

Проголосовало «за»	1843
Проголосовало «против»	42
Воздержалось	43
Всего проголосовало	1928
Не голосовало	0

Товарищи депутаты, нам надо вернуться к рассмотрению проекта Постановления о политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года. Вы знаете, что работала комиссия. Она работала ночью и сегодня утром.

Слово для сообщения по проекту Постановления представляется председателю комиссии депутату Яковлеву.

Яковлев А. Н., член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС. (От Коммунистической партии Советского Союза). Товарищи депутаты! Представленный вчера вниманию Съезда документ — комиссия уполномочила меня повторить это — результат долгой и кропотливой работы и членов комиссии, и многочисленных экспертов, ученых, организаций и институтов.

По поручению комиссии были изучены относящиеся к началу второй мировой войны материалы в архивах МИД СССР, Министерства обороны СССР, КГБ СССР, Главного архивного управления, Института марксизма-ленинизма, Общего отдела ЦК КПСС. По запросу комиссии архивные материалы передадо по поручению своего правительства посольство ФРГ в СССР.

Вчера вечером комиссия снова обсудила итоги своей работы, сделанные ранее выводы, замечания и соображения, высказанные народными депутатами в ходе заседания. Она работала вместе с представителями Министерства иностранных дел СССР.

От имени комиссии хотим просить вас еще раз рассмотреть представленные ею соображения, с отдельными поправками, о которых я доложу ниже.